

2. Смалянчук А. “Краёвасць” у беларускай гісторыі / <http://old.kamunikat.org/www/czasopisy/almanach/01/01chronika.htm>.
3. Беларус. Новый поход на Белорусию // Окраины России. – 1908. – 29 марта.
4. Г.Б. 3 газэт // Наша Ніва. – 1912. – 10(23) траўн. – С. 2.
5. Abramowicz L. Nieporozumienie // Przegląd Wileński. – 1912. – 5(18) maja – S. 1-2.
6. В.Л. Эліза Ожэшко // Наша Ніва. – 1910. – 13(26) траўн. (Факсімільнае выданне. Вып. 3. – Мінск: Тэхналогія, 1998. – 801 с.).
7. А-н-а. Край і народ // Наша Ніва. – 1912. – 19(1) ліп. – С. 3.
8. Б.С. Хто страшней // Наша Ніва. – 1913. – 15 сак. – С. 1.

БЕЛАРУСЬ В ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Семенова Л.Н.г. Минск, БНТУ

Глупость Республики превосходит
все глупости Империи.

Г. Флобер

К концу XVIII в. имперское противоборство Речи Посполитой и России за территории с православным славянским населением Беларуси и Украины завершилось в пользу России и ее союзников. Речь Посполитая была поделена между тремя странами, сомкнувшими свои имперские границы. Большой удачей для Европы стало политическое, а не военное развязывание польского узла. У малых народов Центральной и Восточной Европы в то время практически не было шансов на формирование собственных государств. В рамках венской системы международных отношений ее главными арбитрами была позволена к существованию лишь узкая полоса небольших буферных государств в Западной Европе, призванных сдерживать имперские амбиции Франции и Пруссии. Только Османская империя постепенно стала разжимать имперские объятия в Европе, отпуская на свободу Грецию, Сербию, дунайские княжества, Болгарию и т.д. Наступало время немногочисленных империй эпохи капитализма и империализма, поделивших между собой весь мир. Не случайно известный английский историк Э. Хобсбаум назвал период с 1875 по 1914 гг. «Веком Империи». «Век Империи, – писал он, – громче других взывает о разоблачении»

связанных с ним мистификаций именно потому, что мы уже не живем в нем, но все еще не знаем, насколько значительным остается его влияние на нас. Это вовсе не значит, что его следует развенчать и опорочить» [15, с. 11].

Российская империя, ставшая в XIX в. второй после Британской по размерам территории, растекалась по Евразии, то медленно и осторожно на западе, то напористо и воинственно на юге и востоке, опоясывая себя все новыми землями. Как же происходило включение новых земель в состав Российского государства? Что сшивало страны и народы в ткань единого имперского организма? Как, какими скрепами Беларусь присоединялась к имперскому пространству, какое место в нем занимала? Вростание было процессом долгим, неоднозначным, проходившим во всех сферах общественной жизни. Отметим лишь некоторые детали сложного имперского рисунка.

Первая видимая скрепа – объявление себе и миру факта присоединения новых земель. Как правило, это международные договоры, которыми завершаются либо войны, либо дипломатические переговоры различной природы, и внутренние законодательные акты. Разделы Речи Посполитой состоялись в рамках дипломатического взаимодействия Пруссии, Австрии и России и были оформлены в заключенных ими секретных конвенциях, которые по иронии судьбы начинались одинаково: «Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы...». Перечень договоров представлен в следующей таблице:

Таблица 1. Международные договоры, оформившие разделы Речи Посполитой

	Договор	Дата заключения	Территории (современной Беларуси), отошедшие России	Российские акты и иные документы

Первый раздел Речи Посполитой

	<p>Секретная конвенция между Россией и Пруссией</p> <p>Секретная конвенция между Россией и Австрией</p>	<p>6 (17) февраля 1772 г.</p> <p>25 июля (5августа) 1772 г.</p>	<p>Часть Литовской провинции Речи Посполитой в составе Полоцкого и Витебского воеводств с границей по р. Западная Двина, далее на юг по прямой линии до Орши, затем по р. Друть до ее впадения в Днепр, затем по течению Днепра (граница, утвержденная по мирному договору 1686 г.)</p>	<p>Указ Екатерины II о включении в состав Российской империи отошедших от Польши территорий по первому разделу Польши (6 (17) августа 1772 г.)</p> <p>Договоры Польши с Пруссией, Австрией и Россией, закреплявшие отчуждение польских земель 1773 г. (ратифицированы Польшей 8 сентября 1773 г.)</p>
--	---	---	---	---

Второй раздел Речи Посполитой

	<p>Секретная конвенция между Россией и Пруссией</p>	<p>12 (23) января 1793 г.</p>	<p>От селения Друя на левом берегу Западной Двины, у стыка границ Польши, Курляндии и России, далее к рекам Нарочь и Дуброва, затем</p>	<p>Манифест о присоединении к России новых земель (подписан командующим русскими войсками в Польше генерал-аншефом</p>
--	---	-------------------------------	---	--

			по границе Виленского воеводства на Столпеж – Несвиж – Пинск – Кунев и к границе австрийской Галиции.	М.Н. Кречетниковым 27 марта 1793 г.) Русско-польский договор об отказе Речи Посполитой на вечные времена от земель, указанных манифестом от 27 марта 1793 г.
--	--	--	---	---

Третий раздел Речи Посполитой

	Акт о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши	23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.).	От границы Волыни до Брест-Литовска, затем по течению р. Западный Буг до границы Подляшья, далее вдоль Подляшской границы до верховьев р. Нарев (Беловежье), далее на север до пересечения р. Неман у Гродно, затем по течению Немана до прусской границы.	Указ Екатерины II о присоединении к России Литвы и Черной Руси (14 декабря 1795 г.).
	Русско-австрийская декларация по этому вопросу	23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.).		
	Русско-прусско-австрийская конвенция о третьем разделе Речи Посполитой	13 (24) октября 1795 г.		
	Конвенция между Россией и Пруссией с участием Австрии о	15		

	распределении финансовых и имущественных обязательств Речи Посполитой	(26) января 1797 г.		
--	---	---------------------	--	--

Источник: Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т. 3. / Ред. В.В. Чепко, В.Н. Жигалов. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1961. – 625 с.

Широкопад, А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А.Б. Широкопад. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 842 с. – С. 452 – 489.

Так буднично для России закончилось вековое дело собирания русских земель, а для Польши – смерть ее государства. Исходя из интересов Российской империи, выдающийся русский историк В.О. Ключевский суммировал разделы Речи Посполитой: «Предстояло воссоединить Западную Русь; вместо того разделили Польшу. Очевидно, это различные по существу акты – первого требовал жизненный интерес русского народа; второй был делом международного насилия». Он отмечал, что «Польша не была лишним членом в семье государств Северо-Восточной Европы, служа слабой посредницей между тремя сильными соседками. Но освобожденная от ослаблявшей ее Западной Руси и преобразовавшая свой государственный строй, как пытались сделать это лучшие люди эпохи разделов, она могла бы сослужить добрую службу славянству и международному равновесию, стоя крепким оплотом против пробивавшейся из всех сил на восток Пруссии» [10, с. 749]. Однако этого не случилось. Речь Посполитая не смогла противодействовать имперскому насилию соседей. Изначально разделенная внутри на польско-католическую и украинско-белорусскую православную вооруженные части, она не избежала и раздела извне. Можно сколько угодно упрекать Пруссию, Австрию, Россию за грубость и произвол их внешней политики, подчеркивать, что ни от Речи Посполитой, ни от какой-либо из ее частей не исходило прошения о принятии добровольного подданства (народы вообще никто не спрашивал о том, как они желают устроить свою судьбу), обращать внимание на

секретность конвенций (например, конвенции о первом разделе держались в тайне до сентября 1772 г., когда Пруссия и Австрия ввели свои войска в оговоренные конвенциями области), но нельзя не признать, что все эти документы соответствовали общепринятой дипломатической практике и были адекватными сложившейся международной обстановке.

Имперское расширение невозможно объяснить исключительно прагматическими основаниями, будь то в политике или в экономике. Порой оно движимо геополитическими амбициями и азартом, верой в свою особую миссию. Вообще, империи оживляются духовным, культурным, историческим, геополитическим смыслом.

Отношение российских властей к присоединенным белорусским землям не было одинаковым. Первоначально при Екатерине II земли считались русскими, утерянными во времена древнего Русского государства. Появилась красноречивая формула: «Отторженная возвратих». Подтверждение этим идеям Екатерина находила в древнерусских летописях, которые внимательно читала во времена разделов Речи Посполитой. Однако, несмотря на столь убедительные исторические обоснования, Екатерина призывала своих дипломатов и военных к особой осторожности в действиях на западном направлении, подчеркивала нецелесообразность приобретения Россией этнических польских территорий. Приоритетным для нее являлось южное направление, закрепление на Черном море, контроль над черноморскими проливами. В этом она была продолжательницей дела Петра I, который при всем своем безудержном стремлении укрепиться на Балтике, разгромив Швецию, никаких других планов по захвату западных русских земель не вынашивал. Отсюда и екатерининская неуверенность и некоторая двойственность в отношении к белорусским землям. С одной стороны, это возврат русских земель с православным населением, «издревле законной и неоспоримой собственности» Руси-России, с другой стороны, «новоприобретенные земли» (термин встречается в ряде указов) [9, с. 92].

При Павле I и особенно Александре I, во время правления которого в состав Российской империи вошло Царство Польское, белорусские земли стали считать польским краем. Это был период явного заигрывания с польской знатью и ее умиротворения в ущерб простому народу, приведший к новой волне колонизации.

Николай I, неутомимый «обустроиватель» своей страны, разработал программу слияния с империей западных земель в духе нового курса на унификацию общероссийского законодательства. Курс на унификацию правового пространства и русификацию, базировавшийся на признании земель своими, русскими, был продолжен при последующих императорах. Так белорусские земли, оказавшиеся и географически, и исторически между Русью и Польшей, теперь уже в империи стали местом соперничества польской и русской культур, политики колонизации и русификации, русско-польским пограничьем. Это перекрестье в немалой степени способствовало формированию собственного белорусского национального самосознания и самоидентификации.

Важной скрепой для включения новых земель в имперское пространство является распространение на них административно-территориального деления. Уже Римская империя, не утратившая для империй XIX в. эталонных качеств, изобретала различные административно-территориальные формы для вхождения новых земель. Империи отличались большим разнообразием таких форм, которые при этом всегда отражали принципиальные статусные различия между метрополией и колониями. Россия же, наоборот, стремилась к единообразию, в основном заключая вновь приобретенные земли, в том числе белорусские, в единую сеть губернского правления. Только в Центральной Азии нашли место протектораты и унии с восточными правителями, да беспрецедентные привилегии получили Великое княжество Финляндское и первоначально Царство Польское. Сторонники унификации считают, что единый внешний статус территорий отражает их внутреннее равенство между собой, особенно в главных обязанностях «платить и служить», отсутствие деления на центр и периферию, препятствует национальному сепаратизму. Их оппоненты настаивают на необходимости особых административных форм для учета национальных особенностей. В Российской империи своеобразии каждого региона подчеркивалось первоначально сохранением национальной правовой системы. На белорусских землях, вплоть до польского восстания 1830–1831 гг. в Витебской и Могилевской губерниях, в западных до 1840 г. действовал Статут Великого княжества Литовского. Помимо административно-территориального деления, существовали также учебное,

военное, хозяйственное, почтовое, таможенное и другое районирование.

Таблица 2. Эволюция административно-территориального деления на белорусских землях

	Год учреждения	Губернии (300 – 400 тыс. душ муж. пола) и их центры	Города – центры поветов / уездов (20 – 30 тыс. душ муж. пола)	Генерал-губернаторства
	1772	<p>Псковская (Опочка), с 1776 г. Полоцкая (Полоцк)</p> <p>Могилевская (Могилев)</p>	<p>(С 1777 г.): Полоцк, Дрисса, Себеж, Невель, Динабург, Режицы, Люцин, Велиж, Городок, Сураж</p> <p>(С 1777 г.): Могилев, Чаусы, Старобыхов, Орша, Бабиничи, Сенно, Мстиславль, Чериков, Копысь, Климовичи, Рогачев, Беличи</p>	Белорусское наместничество (до 1775 г.)
	1793	Минская (Минск)	Минск, Витебск, Поставы, Докшицы, Дисна, Борисов, Игумен, Бобруйск, Мозырь, Давид-	

			Городок, Пинск, Не- свиж, Слуцк	
	1794–1796	Виленская (Вильно) Слоним- ская (Слоним)	Вильно, Завилейка, Троки, Браслав, Ошмяны, Ков- но, Упицы, Волкомир, Тельшаны, Россоны, Ша- вель Слоним, Новогрудок, Гродно, Вол- ковыск, Лида, Брест, Кобрин, Пружаны	
	1796	Могилев- ское намест- ничество (Мо- гилев) Полоцкое наместниче- ство (Полоцк) Минское наместниче- ство (Минск) Вилен- ское намест- ничество (Вильно) Слоним-	Речицкий по- вет	Белорус- ская губерния Литовская губерния

		ское наместничество (Слоним)		
1802	Могилевская губерния (Могилев); Витебская губерния (Витебск) Минская губерния (Минск); Гродненская губерния (Гродно); Виленская губерния (Вильно)	В дальнейшем происходили незначительные изменения: менялось поветовое деление, вводились временные военные правления, происходило упорядочивание и т.д.	Белорусское генерал-губернаторство Литовское генерал-губернаторство Северо-Западный край (с 1840 г.)	

Источник: Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд) і інш. Т.4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачаток XX ст.). – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – С. 49–50.

При налаживании системы административно-территориального управления происходила встреча и взаимодействие двух миров. Органы генерал-губернаторского и губернского управлений заполнялись чиновниками из центра, уездные, за исключением уездных комиссаров, и ниже управления состояли из местных представителей. Всей полнотой власти, практически неограниченными полномочиями обладали генерал-губернаторы, являвшиеся наместниками императора. Они заседали и в Сенате. В ведении губернатора находились местные гарнизоны, сбор налогов, набор рекрутов, следственные и судебные дела, казенные подряды и поставки, охрана общественного порядка. Как генерал-губернаторские, так и губерньские управления состояли из общего присутствия и канцелярии. В целом они были немногочисленными: канцелярские аппараты управления

состояли из 56 человек, их дополняли более трехсот чиновников нескольких контор и более ста человек военных команд. Среди контор, как правило, были казенная палата, возглавляемая вице-губернатором, которая занималась хозяйственными и финансовыми вопросами, рекрутская управа, приказ гражданской опеки, межевая контора. Руководители, в основном, комплектовались из русских чиновников. Так, в Минском губернском управлении в 1795 г. насчитывалось по 8 человек, прибывших из Архангельского и Олонецкого наместничеств, 1 человек из Твери, 2 – из Могилева. В 1796 г. Виленский генерал-губернатор назначал на канцелярские должности чиновников и студентов из Малороссии [5, с. 51 – 53].

В поветах (впоследствии уездах) представителями царской власти становились комиссары, назначавшиеся, в основном, из российских офицеров, кандидатуры которых проходили утверждение в сенате. Административно-полицейские и судебные функции в уезде выполнял нижний земский суд во главе с земским исправником. Если в российских губерниях земский исправник выбирался, то в белорусских – назначался сенатом. Уезды разделялись на ключи во главе с войтами. Войтам подчинялись сотские и десятские. С 1830-х гг. уезды подразделялись на станы во главе с приставами. На все эти должности избирались представители местного населения, в том числе, и из среды «добрых и незазорных крестьян». Должностные лица имели специальные атрибуты: жезлы, медные жетоны с гербом Российской империи [16, с. 193].

На местную шляхту была распространена 14-классная система чинов и рангов. Однако, государственные обязанности шляхта считала непочетными, предпочитая им военную службу и выборные дворянские должности. Представители низших сословий охотно занимали предусмотренные для них должности, считая их серьезным достижением на жизненном пути.

В конце XVIII в. в белорусских губерниях насчитывалось более 1,9 тыс. служащих государственных органов разных уровней – местных уроженцев и приезжих, что составляло 1,5 % от численности всех горожан [5, с. 53]. Это крайне небольшой процент, но именно эти люди обеспечивали работу государственного механизма – главной политической скрепы империи.

Империи в эпоху капитализма объединялись в единый организм, прежде всего, экономическим взаимодействием. Колонии

становились источником сырья, сельскохозяйственной продукции, местом сбыта для промышленных товаров метрополии и объектом инвестиций ее капитала. В рамках империи формировалась самодостаточная экономическая зона, мир-экономика, по терминологии Ф. Броделя. Например, в капиталистической империи Британии каждая ее часть играла строго отведенную ей экономическую роль: Индия – жемчужина (первоначально поставщик специй и прочих колониальных товаров, впоследствии поставщик сырья и грандиозный рынок сбыта), Австралия и Новая Зеландия – дальние овцеводческие фермы, Канада – зерновая ферма и ресурсная кладовая, Малайзия – производительница каучука, Сингапур – военно-морская база и т.д.

В России со слабым развитием капитализма экономическое взаимодействие только налаживалось, единый капиталистический рынок делал первые неуверенные шаги. Регионы еще жили самостоятельной хозяйственной жизнью со старыми, давно налаженными торговыми связями, которые русские капиталы пока не в силах были переориентировать. Как отмечал М.В. Довнар-Запольский: «С присоединением Белоруссии к России в структуре хозяйства не произошло таких существенных изменений, которые могли бы повлиять на общий ход народно-хозяйственной жизни» [7, с. 302]. К тому же присоединяемые к империи территории не отличались экономическим богатством и динамичным развитием капитализма. Это в полной мере относилось и к белорусским землям. Притчей во языцех стала их непомерная бедность. Довнар-Запольский, ссылавшийся на русского помещика, привыкшего видеть бедного крепостного великорусского мужика, писал: «... и этот крепостник стал в изумлении перед бедностью белорусского крестьянина» [7, с. 302].

В хозяйственном районировании Российской империи Виленская и Гродненская губернии Литовского региона, наряду с относившейся к этому региону Ковенской губернией, вместе с Прибалтийским регионом (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии) составляли один хозяйственный район. Для него было характерно интенсивное земледелие, ориентированное на европейский рынок. Белорусский регион в составе Минской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерний характеризовался преимущественно как земледельческий с преобладанием барщинного помещичьего хозяйства. Он также был связан с европейским рынком, на который поставлялись рожь, гречиха, овес, ячмень, картофель.

Сельскохозяйственная продукция вывозилась через Ригу и Ревель – наиболее значительные после Петербурга балтийские порты. По словам помещика Энгельгарта, описавшего бедность крестьян Подвинья, «когда баржи с хлебом направлялись по Двине к Риге, то сотни голодающих и полунагих крестьян толпились на берегу реки и на пристанях, прося у судовщиков хлеба» [7, с. 308]. В таких условиях Российская империя могла довольствоваться только проверенной имперской экономической скрепой – таможенной политикой. Система преференциальных пошлин, которая считается нулевым уровнем экономической интеграции, – неперенный атрибут экономического фундамента любой империи. Указом Елизаветы Петровны от 20 декабря 1753 г. «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов» таможи внутри страны были упразднены и вынесены на участки внешней государственной границы [3]. В это расчищенное от обременительных сборов пространство внутренней торговли с единым внешним таможенным барьером, меняющимся в зависимости от мировой экономической конъюнктуры, и вошла белорусская экономика. Кстати, недавно восстановленный белорусско-польский Августовский канал был построен в первой половине XIX в. в результате таможенной войны между Россией и Пруссией. Как только война закончилась, хозяйственное значение канала упало и он оказался заброшенным.

После отмены крепостного права динамика капитализма распространилась и на белорусские земли. Вслед за Россией Беларусь превращалась из страны сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка в страну плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. В пореформенной империи белорусские губернии стали специализироваться на рыночном картофелеводстве, зерноводстве и скотоводстве. Развивались легкая и пищевая промышленность, металлообработка, строились транспортные системы, прежде всего, водные каналы и железные дороги.

Несмотря на успехи капитализма, в пореформенное время местная жизнь регионов Российской империи в большей степени укреплялась не столько экономическими, сколько политическими действиями, культурно-историческими и геополитическими соображениями. Видение места и роли регионов отражались в государственной идеологии и общественном мнении. Ядром Российской империи считались 29 губерний европейской части с великорус-

ским населением, к которым на западе примыкали 15 губерний с белорусским и украинским населением и 10 губерний в Сибири и на Дальнем Востоке с великорусским населением. Положение белорусских губерний прочно ассоциировалось с западом: западные губернии, Западный край, западный форпост России. Когда зимой 1795 г. последний король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский после отставки ехал из Гродно в Петербург, пересекая знакомую ему территорию Великого княжества Литовского, сопровождавшая его охрана подчеркивала, что они едут по западной России [8, с. 124].

Указ от 18 декабря 1842 г. «О преобразовании Северо-Западных губерний» свидетельствует о закреплении в государственно-политической лексике понятия «Северо-Западный край». Место западного форпоста на границе с более развитым западноевропейским миром было очень важным и весьма специфическим. Это было пограничье, где, с одной стороны, осуществлялись плодотворные влияния и взаимодействия, но, с другой стороны, виделись и враждебные происки. Пограничье нуждалось в особом обустройстве и охране.

После присоединения белорусских земель к России на них стала организовываться военная пограничная охрана, введенная еще при Петре I. В «Указе о включении в состав Российской империи отошедших от Польши территорий по первому разделу Польши» предписывалось: «Обнести столбами с императорским гербом все пространство новых границ» [17, с. 453]. После очередных разделов столбы отодвигались все дальше на запад. Охрана границы строилась в две линии: на первой находились драгунские, впоследствии казачьи, затем армейские полки, расположенные по форпостам, на второй, в 3–7 верстах от границы, таможенные вольнонаемные конные объездчики и пешие стражники. В пограничных городах создавались пограничные пункты и таможни. Пограничная и таможенные службы неоднократно реформировались, преобразовываясь в вид специальных войск, пока, наконец, в 1899 г. пограничная стража не получила полное военное устройство [6, с. 16]. Право применять оружие пограничники получили только в 1829 г. Все это время пограничники и таможенники вели изнурительную борьбу с контрабандой, которая стала четким показателем экономического и политического уровня развития страны. Пакгаузный надзиратель Кре-

тингской таможни середины XIX в. С. Минцлов высказал интересную мысль: «Никакие грозные приказы и усилия штатов и повышения окладов пограничной стражи и таможенной охраны не прекратят потока контрабанды, льющегося из Пруссии. Есть только одноединственное, но совсем другое средство прекратить ее – надо стать в один уровень культуры с Германией. Контрабанда – точный показатель степени перевеса культурности одной страны над другой... В Австрию и Галицию контрабанда велась даже из России, а это – вернейшее указание на совсем плохие дела у соседа» [3]. В конце XIX в. у пограничников появилась новая забота – борьба с контрабандой политической литературы. Усилился поток и нарушителей границ: с одной стороны, страну нелегально покидали потенциальные эмигранты, с другой стороны, границу пересекали иностранные разведчики, революционные деятели. Граница и пограничье были пульсом всего государственного организма, безошибочно показывая его состояние.

Западный форпост Российской империи приобретал и соответствующую его значению военную мощь. Вообще, вооруженные силы являются важнейшей скрепой империи. На присоединенные земли приходит имперская армия, проводя при этом политику центра, местное население набирается в армию. На белорусские земли была распространена рекрутская повинность. Часть войска ВКЛ, принявшая присягу на верность России, была включена в состав российской армии. Отказавшие служить и возвратившиеся домой были подвергнуты репрессиям и отправлены в Екатеринославское наместничество на «вечное поселение». Из уроженцев белорусских земель формировались следующие полки русской регулярной армии: конный литовский (из белорусов и литовцев), конный татарский (из белорусских и литовских татар), конный польский (из белорусов, поляков и литовцев). С 1775 г. существовал Белорусский полк, комплектовавшийся исключительно из белорусов. Уроженцами белорусских губерний комплектовались уланские полки. Из местных рекрутов в значительной мере формировались гарнизоны, расквартированные в городах Беларуси. Вообще, белорусы, составлявшие в 1811 г. десятую часть 40-миллионного населения Российской империи, насчитывали 15% военнослужащих [4, с. 34]. На их долю выпала война 1812 г. и все последующие войны, которые вела империя: русско-турецкие войны, Крымская война, Первая мировая.

После восстания 1830 – 1831 гг. император Николай I, который, будучи великим князем, ведал инженерными делами и крепостями, приказал построить три линии крепостей для укрепления западной границы. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Ивангород и Замостье. Во второй линии главной была крепость Брест-Литовск, строительство которой велось в 1830-е гг. под командованием генерал-майора И.И. Дена. В 1840-е гг., когда строительством руководил адмирал Н.С. Мордвинов, в крепостной комплекс включили здания бернардинских монастырей и из гранита построили новую мощную церковь, которая, по словам Мордвинова, своим видом должна была «свидетельствовать во вновь присоединенных землях о мощи государства Российского» [2, с. 40]. В тылу располагалась третья линия крепостей, главными из которых были Киев, Бобруйск, Динабург. Состояние инженерной обороны русской границы в странах Запада, против которых она и была предназначена, оценивалось очень высоко. Блестящий военный эксперт того времени Ф. Энгельс отмечал: «Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Новогеоргиевск), Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая, по сочетанию своих стратегических возможностей, является единственной в мире» [17, с. 537]. Однако крепкий западный форпост не спас империю от гибели во время русской революции 1917 г.

Мы осветили лишь малую толику скреп, державших Беларусь в имперском пространстве России. Ни у кого не вызывает сомнений, что включение и вживание состоялось. По словам Н.С. Шашкевича, «находясь в составе Российской империи, Беларусь оказалась глубоко инкорпорированной в общеимперский государственно-политический организм» [14, с. 29]. Основные дискуссии разворачиваются минимум по двум вопросам: какими средствами это происходило и каков результат пребывания белорусских земель в Российской империи. Пути присоединения и дальнейшая политика были разными, зависящими от обстоятельств и личных качеств императоров. Как и любая страна, Россия действовала порой разумно и аккуратно, порой грубо и жестоко, но чаще по-русски бестолково и неуклюже. Главной целью имперского расширения, за редкими исключениями, было включение и по-своему обустройство. Если на

внешних границах любая империя была строгой и неприступной, то внутри, для своих народов она, как могла, обеспечивала мир и взаимодействие. Мы привыкли иронизировать над лозунгом Наполеона III во II Французской империи «Империя – это мир», перечисляя множество завоевательных войн, которые вела эта империя, но забываем сказать о том, сколько она прекратила междоусобных, племенных, этнических войн и социальных конфликтов внутри своих границ. Также и Российская империя останавливала и прекращала межплеменные, междоусобные войны на Кавказе, в Средней Азии, обеспечивая их народам мир, точно так же, как ранее Российская империя прекратила войны магнатов и их конфедераций и казачью вольницу Речи Посполитой, обеспечив белорусскому и украинскому крестьянству мир. В те времена империи в большей степени, чем какие-либо другие формы государственной и межгосударственной организации, обеспечивали внутренний мир. Мир – залог общественного взаимодействия, которое при огромных имперских ресурсах становится плодотворным и результативным. Там, где силы малой страны уходят на поддержание чрезмерного для нее государственного аппарата и его политические амбиции, сил большой империи хватает и на развитие, в том числе, и культурно-национальное для проживающих в них народов.

В сложившейся международной обстановке рубежа XVIII–XIX вв. вряд ли белорусским землям удалось бы остаться вне империй. Вопрос шел лишь о том, к какой империи они будут присоединены: к далеким ей ментально и культурно немецкой прусской, немецкой австрийской, или, наоборот, максимально близкой русской. Польский патриот, посвятивший свою жизнь возрождению Польши, бывший в начале XIX в. министром иностранных дел России, князь Адам Ежи Чарторыйский, которого трудно заподозрить в симпатиях к России, писал, что Царство Польское могло быть восстановлено только «под скипетром Александра», «... в то время не было других способов воскресить Польшу, оставленную даже Францией» [11, с. 353]. Что же говорить о белорусских землях, которые в XIX в. не входили в сферы геополитических интересов других стран, кроме России?

Так Российская империя, по словам И.Л. Солоневича, стала не только «сообществом народов, уживающихся вместе» [13, с. 396], но и «общим домом, имеющим общую крышу и общие внешние

стены, где каждая народность имеет свою собственную квартиру, в которой она может устраиваться как ей будет угодно» [12, с. 335], домом, в котором «русское самодержавие было нянькой для русских «инородцев»» [13, с. 363]. В конце концов, именно в этом доме, воспитанная этой нянькой, и выросла белорусская нация.

Список использованной литературы

1. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т. 3. / Ред. В.В. Чепко, В.Н. Жигалов. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1961. – 625 с.

2. Брест. Первое тысячелетие. Путеводитель «Жемчужины Беларуси». – Минск: УП «Рифтур», 2010. – 96 с.

3. В обход закона и таможи: краткий экскурс в историю отечественной контрабанды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gpk.gov.by/press_center/regional_news/13774/. – Дата доступа: 17.05.2013 г.

4. Вооруженные формирования Беларуси. К юбилеям великих побед / сост. Г.Ч. Лянькевич, И.И. Птуха; редкол.: В.В. Гайдукевич, А.А. Павловский [и др.]. – Минск: Беларусь, 2005. – 135 с.

5. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т.4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 518 с.

6. Граница. Вехи истории пограничных войск Беларуси / сост. В.Г. Мищенко. – Минск: Межд. центр культуры книги, 2003. – 64 с.

7. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Беларусь, 2011. – 591 с.

8. Дэвис, Н. Литва: великое княжество с королями / Н. Дэвис // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Выпуск 11 / сост., ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2013. – С. 82–136.

9. История имперских отношений: беларусы и русские. 1772 – 1991 гг. / Сост., пер., ред. А.Е. Тараса. – Минск: А.Н. Вараксин, 2008. – 608 с.

10. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций: В 2-х кн. Кн. 2 / В.О. Ключевский. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1056 с.

11. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императоромъ Александром I. Пер. с фр. А. Дмитриевой. Ред. и вступ. статья А. Кизеветтера. Томъ первый. – М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1912. – 388 с.

12. Солоневич, И.Л. О сепаратных виселицах / И.Л. Солоневич // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / сост. Л.Н. Шишелина. – М.: Наука, 2007. – С. 335–342.

13. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / сост. Л.Н. Шишелина. – М.: Наука, 2007. – С. 354–405.

14. Сташкевич, Н.С. Трудный путь государственности / Н.С. Сташкевич // Беларуская думка. – 2008. – № 1. – С. 28 – 33.

15. Хобсбаум, Э. Век Империи. 1875 – 1914 / Э. Хобсбаум. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 512 с.

16. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: учебное пособие / П.Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск: Высшая школа, 2007. – 463 с.

17. Широкопад, А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А.Б. Широкопад. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 842 с.

УЧАСТИЕ БЕЛОРУСОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (ИЮЛЬ – ДЕКАБРЬ 1914 Г.).

Смольянинов М.М.

г. Минск, Институт истории
НАН Беларуси

В 2014 г. исполняется 100-летие со дня начала Первой мировой войны. Развязанная правящими кругами ведущих империалистических держав Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Антанты (Англия, Франция и Россия), она втянула в свою орбиту 38 государств с полутора миллиардным населением.

Белорусские губернии, входившие в состав Российской империи, оказались в зоне столкновения геостратегических интересов Германии и России, в первые же дни были объявлены на военном положении и являлись одним из эпицентров мирового военного конфликта, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Российская империя по причине огромного территориального пространства и слабо развитой сети путей сообщения значительно